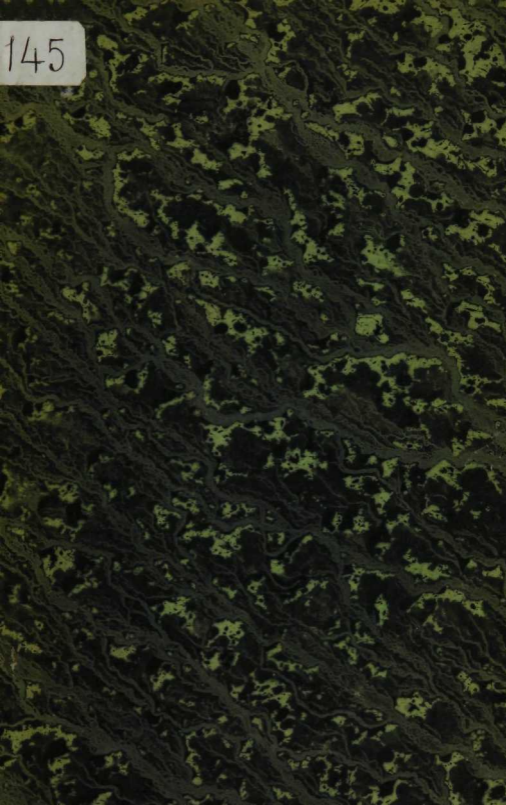

145

145

ЭК 4

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ПОСТАНОВЛЕНИЯХЪ.

ПРОВЕРЕН
1933 ГОД

ИСЛАМА.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Пензинской гу-
бернской гимназiи 30 Ноября 1847 года

младшимъ учителемъ Русскаго языка.

(Ж. Волмогоровичъ.)

ПРОВЕРЕНО
1946 г.

В. И. ДЕНИНА
145

КАЗАНЬ,

ВЪ ТИПОГРАФIИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1848.

Из книгъ
Сахарова
Ивана Александровича

В. И. ДЕНИНА
145

2000 г.

1951

Перепечатано изъ 1-й книжки Ученыхъ Записокъ за 1848 годъ.

سَيَقُولُ السُّفَهَاءُ مِنَ النَّاسِ مَا وَلَّيَهُمْ عَن قِبَلَتِهِمْ
 الَّتِي كَانُوا عَلَيْهَا قُلْ لِلَّهِ الشَّرْقُ وَالْمَغْرِبُ يَهْدِي
 مَنْ يَشَاءُ إِلَى صِرَاطٍ مُسْتَقِيمٍ ﴿١٥٦﴾

„Что отстранило ихъ отъ Кибле, къ кото-
 рой они обращались?—спросить безразсудные.—
 Отвѣчай, Мугаммедъ: И Востокъ и Западъ
 принадлежить Богу, который ведетъ, кого хо-
 четъ, къ прямому пути.“

Коранъ, сура 2, ст. 156.

Обращаясь къ предмету, сдѣлавшемуся для меня какъ-бы
 постороннимъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность замѣтить, что
 побудительною причиною къ составленію очерка *объ основныхъ*
постановленіяхъ ислама было съ моей стороны желаніе опре-
 дѣлить характеръ и образъ мыслей лица, которое избрало
 себѣ задачей жизни—примирить несогласныя мнѣнія первен-

ствующихъ религій и чрезъ то возстановить деизмъ, хотя забытый (по его словамъ) со времени патріарховъ, но въ различныхъ эпохи возвѣщаемый посланниками—органами неба (الرُّسُلُ). рядъ которыхъ Мугаммедъ замыкалъ собою, будто печать (خاتم), по выраженію Корана. Мысль новаго проповѣдника изъ среды Арабовъ была принята его соотечественниками за мечту восторженнаго поэта (шаѣръ), а самое исполненіе этой мысли навлекло на него упреки въ безуміи (меджнунъ) и даже въ чародѣйствѣ (кагенъ, сагеръ ساحر كاهن), тогда какъ онъ старался искоренить старый порядокъ вещей, замѣняя божества Аравіи (алигать) поклоненіемъ Единому (ахадъ)—Творцу, Разрушителю и Воскресителю (халекъ, мюмигъ, мюгъи مُمَيَّتْ خَالِقِ), который нѣкогда потребуеъ у людей отчета въ дѣйствіяхъ и безъ лицепріятія разсудитъ ихъ распри (فِيْمَاهُمْ فِيْهِ مَحْتَلِفُوْنَ). Вѣроученіе Мугаммеда такъ тѣсно связано съ политическимъ и нравственнымъ состояніемъ мусульманскихъ государствъ, что съ уничтоженіемъ одного рушатся и другія, подобно корню и вѣтвямъ дерева, осѣняющаго весьма значительную часть Азіи и Африки; слѣдовательно, всѣ матеріалы по этому предмету можно замѣнить, при ограниченности моихъ средствъ, точнымъ указаніемъ на священную для мугамеданъ книгу, которою они руководствуются не только въ дѣлахъ вѣры, но и въ гражданскихъ учрежденіяхъ, безъ которой нельзя приступить къ чтенію ни одного мугаммеданскаго писателя,

особенно по части юриспруденціи : потому что законоположникъ ислама «сосредоточилъ въ себѣ все , что относилось къ духовной и политической жизни его послѣдователей». (*) Алкоранъ и изустныя преданія (хадисъ) пророка , объясненныя частію его ближайшими учениками (اصحاب), частью учениками его учениковъ (تابع). частію знаменитыми юрисконсультами (фокага) различныхъ школъ , составляютъ двѣ опоры , на которыхъ покоится все знаніе мусульманскихъ обществъ.

Въ ряду историческихъ лицъ VII столѣтія по Р. Х. ни одно не выступаетъ такъ далеко за черту обыкновенныхъ явленій нравственнаго міра, какъ Мугаммедъ, сынъ Абдалы: въ самомъ дѣлѣ, ученіе аравійскаго пророка (эннеби), вмѣстившаго въ себѣ качества поэта, полководца и провозвѣстника новыхъ идей, поражаетъ съ перваго взгляда и съ давняго времени занимало наблюдательные умы; но почти всюду служило оно спорнымъ пунктомъ партій, обсуживавшихъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія , съ большимъ или меньшимъ пристрастіемъ. Обыкновенно въ дѣлахъ такого рода торжествуютъ національныя предразсудки, воспитаніе, а здѣсь еще прибавимъ самыя отношенія западныхъ государствъ діаметрально-противоположныя Востоку, и нигдѣ , кажется, такъ не истинны, какъ здѣсь слова Непота , что не одно и тоже для всѣхъ честно и позорно, но все оцѣнивается по учрежденіямъ предковъ. Чтобъ понять Азіатца, надобно пристально

(*) مختصر الوقایه XVIII предисловія.

всмотрѣться въ предметы, которыми онъ окруженъ, забыть на время условія европейской образованности и начать какъ бы новую жизнь съ ея предубѣжденіями, характеризующими восточнаго человѣка.

Каждый народъ, являясь какъ самостоятельный дѣйствователь, какъ достояніе исторіи, носятъ въ себѣ и зародышъ той мысли, которую выражаютъ въ своихъ дѣлахъ его представители; но здѣсь невольно рождается вопросъ: при какихъ условіяхъ отдѣльныя массы пріобрѣтаютъ то или другое направленіе, до какой степени оно удерживается и какія причины ослабляютъ или измѣняютъ силу движенія, сообщеннаго природою и обстоятельствами? Безъ сомнѣнія, первобытныя гражданскія общества вездѣ зависѣли отъ занятой ими мѣстности; человѣкъ, сообразуясь съ нею, избиралъ и самый кругъ дѣйствій: такъ море воспитало Финикійнина и скандинавскаго пирата; равнины Средней Азіи, лѣса Америки указали номаду и звѣролову на родъ ихъ занятій; самое законодательство и религіозныя церемоніи, какъ связь частныхъ интересовъ, по большей части одолжены своимъ происхожденіемъ тому же источнику, мѣстнымъ требованіямъ. Но вскорѣ наступаетъ измѣненіе въ общественномъ порядкѣ. Завоевательныя племена вмѣстѣ съ остриемъ меча вносятъ къ побѣжденнымъ первыя понятія о рабствѣ и господствѣ: отсюда дѣленіе на касты, права и преимущества власти жреческой и военной. Для туземцевъ остаются два средства: или безпрекословно нести его пришельцевъ, или оставить родину, искать счастья въ мѣстахъ недоступ-

ныхъ оружію побѣдителей: такъ владѣтельвыя фамиліи Персовъ при вторженіи Аравитянъ во время Іездеджерда Сассанида удаляются въ горы съ тѣмъ, чтобы отмстить пратѣсителямъ и на развалинахъ ихъ могущества воскресить свою самобытность. Между тѣмъ часть народа, которая непослѣдовала за бѣглецами, сливается съ побѣдителями, смотря по тому, какова гражданственность послѣднихъ и какъ они успѣютъ сблизиться съ своими данниками; въ такомъ случаѣ или отношенія покоренныхъ къ побѣдителямъ дѣлаются общими, или туземцы упорно отстаиваютъ наслѣдіе предковъ: но рѣшительное измѣненіе народнаго характера возможно только въ продолженіе нѣсколькихъ генераций.

Исторія не допускаетъ случайностей. Однѣ событія тѣсно вяжутся съ другими и служатъ имъ основою: таково было появленіе Мугаммеда, приготовленнаго временемъ и обстоятельствами, потому что никто, замѣчаетъ Макиавелли, не можетъ возвыситься въ государствѣ, если не будетъ опираться на вѣщія событія. Мы увидимъ ниже, какъ ученіе Мугаммеда возникло на туземныхъ, освященныхъ давностью, обычаяхъ, съ примѣсью нѣсколькихъ нововведеній, которыя, конечно, были необходимы въ положеніи реформатора; но, чтобы вополнѣ обнять произведенный имъ переворотъ, должно короче ознакомиться съ его родиною и ея обитателями. Эготъ очеркъ яснѣе укажетъ намъ, гдѣ кроется зародышъ ислама.

Арабы являются во времена Мугаммеда на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ глубокой древности, пося тоже имя, гово-

ря тѣмъ же языкомъ; непокоренные завоевателями и защищаемые неприступностію своеі родины, они неподвергались великимъ политическимъ потрясеніямъ, столь часто измѣнявшимъ лице Азии; они высоко цѣнили свою независимость и подобно Грекамъ, считали чужеземцевъ *варварами* مخارج *ад-жамъ*). Ни Камбизъ, ни Александръ, ни оружіе Римлянъ не проникали во внутренность Джезирагъ-эль-Арабъ (аравійскаго полуострова), и хотя нѣкоторыя сирійскія колѣна платили дань седмихолмному городу, а Элій Галлъ покорилъ часть каменистой Аравіи, но всѣ старанія Римлянъ основать здѣсь колоніи были безуспѣшны. Индія и Африка обогащали прибрежныхъ жителей Аравіи чрезъ торговыя сношенія, а внутренность полуострова была занята кочующими ордами, извѣстными и донинѣ подъ именемъ *Бедави* (*пустынный*, отъ بدو пустыня), нѣкогда самыхъ упорныхъ противниковъ Мугаммеда. Сходство арабскаго языка съ еврейскимъ какъ въ словахъ, такъ и въ грамматическихъ формахъ, предполагаетъ тѣсное родство сихъ народовъ и дѣйствительно Абу-ль-Фараджъ говоритъ, что Арабы происходятъ отъ двухъ вѣтвей: первая считаетъ родоначальникомъ Кахтана или Юктана, сына Еверова, вторая ведетъ родъ отъ Адвана, потомка Авраамова; первые называются у арабскихъ писателей *Арабъ-эль-арибъ* (чистыми), вторые *Моста`рабъ* (обарабившимися). Эти главные роды дѣлятся вновь на *кабаель* (отъ единствен. *кабилъ*), племена; но мѣсто не позволяетъ здѣсь входить въ подробности жизни всѣхъ племенъ: скажу только, что древняя исторія

Аравія заключається въ історіі отдѣльныхъ кодіцъ, она не имѣеть единства и общности, незавѣщала потомству почти ничего, кромѣ сборника пѣснопѣній, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Хамасы, касыдъ, Моаллакатъ, и частныхъ небольшихъ отрывковъ, относимыхъ нѣкоторыми учеными даже ко временамъ Соломона. Всѣ эти пѣсни народа—скитальца не лишены интереса и доселѣ остаются единственнымъ матеріаломъ, по которому мы можемъ оцѣнить *Эйльмоль-джагеліе* (времена невѣжества т. е. невѣденія истиннаго Бога), какъ означаютъ сами мусульмане домухаммеданскій періодъ: въ нихъ отражается весь скудный бытъ сына пустыни—природа обнаженная, пылающая подъ лучемъ тропическаго солнца и среди ея будто случайно брошенный номадъ въ вѣчной борьбѣ съ нуждами и съ подобными себѣ, оспоряющей на каждомъ шагу свое существованіе у неблагодарной земли; человекъ, у котораго, по собственному его выраженію—нѣтъ друзей, кромѣ хищнаго звѣря, іемавскаго булата, зубчатыхъ голубыхъ стрѣлъ, острыхъ какъ зубы *гула* (*غول*), *демона*; нѣтъ спутниковъ, кромѣ голода и жажды; но прикрытый платьемъ ночи Арабъ умѣетъ одолѣвать и голодъ и жажду, свертывая внутренности, какъ искусная пряжа крутить шелковыя нити, онъ не даетъ замѣтить внутренняго огня, чтобы не заставить другаго благодѣтельствовать и чрезъ то не унижить собственного достоинства. Онъ превозноситъ свое терпѣніе, славитъ то набѣги племенъ, то бой за колодезь, воспѣваетъ *родовую мать тсаръ* (*تسار*) и съ изступленіемъ каннибала ведетъ

дротикъ на кровавый водопой (*), обрекая враговъ волку, гienъ и вольному коршуну (عَنَاقُ الطَّيْرِ). Но въ своей суровой долѣ полудикій Бедави щедръ, будто весенняя туча, онъ служить сосѣду (джаръ جَارٌ) тѣнью и прохладой въ знойные дни песей звѣзды (شَعْرَى), а зимою солнцемъ, онъ свято хранить вѣренную ему тайну и неумолимый врагъ, горькій будто колокинтъ (шарьюнъ, алькамъ), упорно защищаетъ принятаго подъ кровъ странника (мостаджиръ, матнубъ).

Если унылая природа Аравіи представляетъ мало предметовъ для изображенія, поэтъ замѣняетъ этотъ недостатокъ яркостію колорита и полнотою описаній; его занимаетъ все окружающее: неразлучные спутники Араба верблюды и конь доставляютъ ему обильный запасъ для сравненій; обманчивые призраки миража (سَرَابٌ) напоминаютъ пѣвцу объ утраченных надеждахъ; при видѣ остатковъ кочевья, почти затканнаго буграми песку, онъ переносится къ минувшему и воображеніе рисуетъ предъ нимъ цѣлую картину перекочевки племени, когда верблюды, будто управляемые опытнымъ кормчимъ, адавенскія лодки, скользили по равнинѣ, унося своихъ сѣдоковъ. Но поэтъ не тоскуетъ при разлукѣ съ дорогимъ

(*) Метафора, заимствованная отъ водопои верблюдовъ. Глаголы نَهَلَ и كَلَّ напоить верблюда въ первый и во второй разъ примѣнены поэтомъ къ дротику (صَعْلَةٌ).

предметомъ, а старается подавить грусть, рыская на верблю-
дѣ крѣпкомъ, какъ мостъ построенный Греками, легкомъ,
будто самка страуса, *сафан-наджатъ* (*سفاضة*), которая ищетъ
потеряннаго дѣтеныша, за которою съ самаго утра гоняют-
ся охотники. Молнія, сверкнувшая изъ тучи, кажется всад-
нику (*فارس*) рядомъ обнаженныхъ сабель; свѣтила и очи
горятъ надъ нимъ, какъ прикрѣпленныя къ скаламъ лампа-
ды или маяки, которые набожный *рагебъ* (*راهب*) Христіан-
скій отшельникъ) разставилъ въ пустынѣ для указанія пути
караванамъ (*кафилетъ* *قافلة*); горная дорога въ ущельяхъ
Сиріи представляется ему узорчатою тканью; тетива лука
воетъ, прощаясь съ стрѣлою, будто мать надъ могилою
сына (*).

Если ты видишь меня (говоритъ главный стрѣлокъ пле-
мени Аздъ, Шанфара) безъ крова, безъ обуви подъ жаркимъ
солнцемъ, будто дочь песковъ (*ибнатъ-эррамль*) змѣю, то
знай: я властитель терпѣнія, львиное сердце моя одежда,
твердость духа обувь. По временамъ я бѣденъ и снова бо-
гатѣю; но тотъ только и богатъ, кто нестрашится ни раз-
луки, ни смерти. Въ холодную ночь, когда охотникъ сожи-
галъ свой лукъ и стрѣлы, чтобы отогрѣться у скуднаго ог-
ня, я нерѣдко пробирался сквозь мракъ и дождь; мнѣ со-

(*) Выраженія древнихъ поэтовъ: Шанфара, Таббата—Ша-
рранъ, Имрзуль-Каиса, Гареса-бенъ-Гилиззы, Тарафы-
бенъ-эльабдъ и проч.

путствовали голодь, ненастье, ужась и трепеть. Въ эту ночь я осиротилъ дѣтей, пустилъ женъ вдовицами и воротился, какъ и пошелъ, а ночь еще была темиѣ (*).

»Съ ранней зари я перебѣгаю равнины, какъ легкій волкъ; онъ спорить съ вихремъ, стелется, прядаетъ по ущельямъ и, не находя добычи, громко зоветъ исхудалыхъ старолицыхъ сверстниковъ: они несутся на знакомый ключъ, качаясь, будто жеребейныя стрѣлы (*قذاح*) въ рукахъ опытнаго метателя—игрока, будто водаки пчелинаго роя, направляющіе полеть къ высотамъ, гдѣ пчеловодъ разставилъ для нихъ щесты. Стеклись свирѣповидныя, неприступныя, съ оскаленною широкою пастью и челюстями, похожими на разщепленное дерево; завылъ одинъ и пустыня огласилась воемъ, будто стономъ матери надъ свѣжею могилой; онъ смолкъ—безпріютныя молчатъ, внимають его утѣшеніямъ и забываютъ общее горе. Раздаются ли вновь его жалобы? цѣлая стая вторитъ ему и опять прекращаетъ плачь: тамъ, гдѣ безсильны жалобы, терпѣніе лучшее средство. Но вотъ онъ воротился и всѣ кинулись за нимъ; они бѣгутъ, затаивъ въ себѣ нестерпимыя муки«.

Нерѣдко поэтическая картина Араба перемѣшаны съ нравственными изрѣченіями—въковою мудростью Востока и въ этомъ отношеніи особенно богата моаллака Загайра сына

(*) اللیل البک

Абу-Сольмы. Оканчивая касыду, въ которой воспѣлъ щедрость вождей своего племени, престарѣлый поэтъ говоритъ: кто прожилъ восемьдесятъ лѣтъ, клянусь (اِبَالِك), соскучился; мнѣ уже извѣстно, что случилось нынѣ, вчера и прежде, но скрыто завтрашнее. Вижу: смерть, какъ слѣпая верблюдица, кого ударить ногою, убиваетъ, по комъ сдѣлаетъ промахъ, тотъ живетъ и старѣется. Кто богатъ и не благодѣтельствуешь избытками своему племени, оно обойдется и безъ него и опозорить скуща. Честнаго не презираютъ, благочестивый въ сердце не раскрывается. Кто боится стрѣлы смерти, того онѣ настигнуть, хотя бы онѣ взшелъ по лѣстницѣ до небесъ. Благодѣтельствующій недостойному, вмѣсто хвалы, встрѣтитъ хулу и пожалѣетъ о томъ. Кто не въ силахъ отразить оружіемъ отъ собственного колодезя, погибнетъ самъ; кто не оскорбляетъ людей, будетъ оскорбленъ ими (فَمَنْ لَا يَظْلِمُ النَّاسَ يَظْلَمُ). Странникъ считаетъ и друга врагомъ; не уважающій себя, не заслужить уваженія другихъ. Сколько бы ни старался человекъ таить свои наклонности, онѣ будутъ разгаданы людьми, сколько молчаливыхъ, которымъ ты дивишься, но только въ бесѣдѣ обнаруживаются достоинства и недостатки. Языкъ—половина человека, другая половина его сердце, прочее только плоть и кровь. Мудрость не слѣдуетъ за безуміемъ старца, безрасудный юноша еще опомнится.

Такими являются намъ Арабы въ своихъ пѣсняхъ и, по свидѣтельству путешественниковъ: Нибура, Вольнэ, Леона-де-

ла-Борда и проч., колѣна внутренней части полуострова стоятъ на той же ступени развитія, какъ и ихъ предки; но не общія ли это черты народовъ младенческихъ? Вспомнимъ сказанія Тацита о Германцахъ; повѣримъ ихъ съ пѣснями Гомера, съ преданіями Ливія о древнемъ Римѣ и убѣдимся, что на первыхъ порахъ общества представляютъ смѣсь грубыхъ понятій съ истинно-высокими добродѣтелями, которыми могли бы гордиться народы образованные. Просвѣщеніе Аравитянъ было незначительно въ сравненіи съ сосѣдственными націями, уже сдѣлавшими большіе успѣхи на поприщѣ наукъ и искусствъ: они могли гордиться только краснорѣчіемъ и навыкомъ въ ратномъ дѣлѣ; ихъ рѣчи, не рѣдко импровизированныя, носятъ отпечатокъ оригинальности и не даромъ названы *написаннымъ жемчугомъ* (недзмъ, نظم), въ противоположность *разсыпанному жемчугу несръ* (نثر) какъ они называютъ прозу); ихъ ораторы говорили публично, отъ лица цѣлаго племени, предъ владѣльцами Сиріи, соблюдая благородную самоувѣренность и настойчивость (*). Арабы высоко цѣнили даръ поэзіи и поэтъ составлялъ честь своего племени, какъ бардъ, долженствовавшій передать потомству славныя дѣла предковъ, возбудить мужество въ слабыхъ, украсить языкъ счастливыми оборотами. Но, чтобы

(*) Таковы двѣ послѣднія мозлака Амру-бенъ-Кюльсуми бенъ-Гиллиззы, которые суть ничто иное, какъ рѣчи, изустно произнесенныя поэтами предъ Амру-бенъ-Гиндомъ, въ защиту правъ племени Бекръ и Таглебъ. Гаресъ имѣлъ тогда уже болѣе ста лѣтъ.

поддержать соревнованіе къ искусству во всѣхъ племенахъ, они избрали мѣстечко Окадзъ عكظъ поприщемъ публичнаго состязанія يتعاكظون فيه въ теченіи мѣсяца, и лучшія поэмы привѣшвадись къ дверямъ меккского храма (отсюда معلقة)

Здѣсь Арабъ внималъ нравственнымъ истинамъ и наставленіямъ касательно домашней жизни. До насъ дошло семь привѣшенныхъ поэмъ или моаллакатъ; вѣроятно, число ихъ было и болѣе, но мугаммеданство, взмѣнивъ направленіе націи, уничтожило и эти остатки народности, этого esprit chevaleresque, быть можетъ, послужившаго основою рыцарства на западѣ. Отличительный характеръ арабской поэзіи есть энергія, способность одною сжатою фразой очерчивать цѣлыя группы образовъ, неожиданность переходовъ отъ предмета къ другому, не уступающая налетамъ пустыннаго вѣтра, обильныя сравненія, заимствованныя преимущественно изъ окружающей природы и въ добавокъ частые параллелизмы, свойственные также и поэзіи еврейской.

Нельзя сказать ничего опредѣленнаго о колоніяхъ арабскихъ племенъ до времени большаго наводненія Сейль-оль-Аримъ, которое случилось, какъ думаютъ, вскорѣ по смерти Александра Великаго. Въ эту эпоху восемь колѣнъ оставили свои жилища: нѣкоторыя изъ нихъ основали колоніи Гассанъ и Гирэ; другія ушли въ Месопотамію и сообщили названіе провинціямъ Діаръ-бекру, Діаръ-модару и Діаръ раби'а. Колонія Гассанъ подчинилась Грекамъ, а Гирэ Персамъ; ву-

твеннїя колѣна управлялись старѣйшинами: имя Тобба было присвоено Гимъ-яридамъ и выражало тоже, что халифъ во время ислама. Въ Меккѣ (въ Коранѣ *Бекка*) въ послѣдствїи усилилась аристократїя въ племена Корайшъ, которое завѣдывало Каабою до появленїя Мугаммеда.

Идолопоклонство и сабеизмъ, или поклоненїе свѣтламъ, развились въ Аравїи еще за долго до Мугаммеда: различныя племена поклонялись избраннымъ звѣздамъ и, кромѣ того, каждое семейство часто имѣло домашнихъ божковъ, которымъ посвящалась часть имѣнїя или военной добычи. Впрочемъ Арабамъ-Сабеемъ не было чуждымъ понятїе о Духѣ, наполняющемъ вселенную; они имѣли на то неопровержимыя доказательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ поклонялись и свѣтламъ, не какъ матерїи, а какъ ангеламъ или существамъ, проявляющимся въ матерїи. Чувственный человѣкъ еще не могъ возвыситься надъ природой: замѣчаемый въ ней порядокъ, переменныя погоды при восходѣ и закатѣ извѣстныхъ звѣздъ, подтверждаемая долгимъ рядомъ опытовъ, могли укоренить мнѣнїе, что свѣтила одушевлены и какъ существа разумныя несутъ землѣ жизнь и смерть.

Почитанїе камней возникло со временъ Исмаила, потомки котораго, размножившись въ Аравїи, разсѣявались въ разныя стороны, но брали съ родины въ знакъ памяти камни и считали ихъ святынею; въ послѣдствїи этотъ простой и трогательный обычай послужилъ поводомъ къ идолопоклонству. Аравитяне имѣли понятїе и о воскресенїи мертвыхъ и

съ этою цѣлю на могилѣ умершаго привязывали верблюдицу (*بَلْبَة*), которой не давали ни корму, ни воды; на день возстанія долженъ былъ явиться ея бывший владѣтель. Коранъ жестоко преслѣдуетъ древнія повѣрья Арабовъ и вездѣ Мугаммедъ нестановится такимъ непреклоннымъ судьей, какъ противъ идолопоклонниковъ, привязанныхъ къ своимъ грубымъ обыкновеніямъ.

Византійская имперія, одрахлаѣвшая отъ нашествій варваровъ и отъ расколовъ, безпрестанно волнуемая схизматиками, не походила болѣе на хорошо организованное государство, а скорѣе могла назваться риторскою школою, гдѣ лжеучители съ яростію ополчались противъ главныхъ догматовъ Христіанства. Частые соборы явно свидѣтельствуютъ о несогласіи церквей на востокъ и западѣ, особенно со временъ Констанція, который вмѣсто того, чтобы примирить враждовавшія партіи, еще болѣе раздражилъ ихъ неумѣстными и недоступными человѣческому уму вопросами. Упадокъ нравовъ отразился на народѣ; столь прославленное правленіе Юстиніана, по словамъ Прокопія, не было таковымъ на самомъ дѣлѣ и доблестныя дѣла его царствованія совершены Нарзесомъ и Велизаріемъ. Съ одной стороны Аріане, Савелліане, Несторійцы и Евтихіане, съ другой Дамазъ и Урсинъ, оспаривавшіе другъ у друга панскій престолъ, волновали умы и, въ слѣдствіе сихъ несогласій, всѣ недовольные слабѣйшихъ партій, по необходимости, удалялись изъ отечества. Аравія явилась лучшимъ къ тому убѣжищемъ: тамъ

еще прежде образовались секты Евюна, Верилла, Назорянъ и Коллиридіянъ. Такимъ образомъ Христіанство не было ново-
стію для Арабовъ.

Персія въ свою очередь гибла отъ тѣхъ-же причинъ, какъ и Византія: Манесъ и Маздокъ въ царствованіе Кобада объявляли себя посланниками Неба и проповѣдывали общность женъ и имѣній, говоря, что этимъ средствомъ можно пресѣчь всѣ смуты въ обществахъ. Сынъ Кобада, Ануширванъ правосудный (Нуширванъ эль-адель) успѣлъ восстано-
вить религію маговъ, но не былъ въ состояніи доставить государству прежняго блеска, а его наслѣдники, занятые домашними спорами, совершенно потрясли Персію и навлекли на нее грозу со стороны Аравіи.

Таково было положеніе двухъ знаменитыхъ въ то время государствъ, и, надобно сказать, никогда обстоятельства не сходились такъ благопріятно въ пользу новаго пророка. Мугаммедъ родился отъ Абдаллы и Еврейки Эммы, въ 579 году христіанской эры, въ Меккѣ (Оммъ-эль-Кора, *матери городовъ*); онъ наслѣдовалъ по кончинѣ отца только пять верблюдовъ и рабу Абиссинянку, но дѣдъ его Абд-эль-Моталлебъ взялся воспитать младенца, а дядя Абу-Талебъ доставилъ въ послѣдствіи случай отличиться въ военныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. На сороковомъ году возраста Мугаммедъ обнаружилъ свои намѣренія. Трудно рѣшить—особенная-ли настроенность духа и пылкость фантазіи, или холодный расчетъ руководили проповѣдникомъ въ его молодости,

но, во всякомъ случаѣ, можно сказать утвердительно, что мысли его вначалѣ были чисты, не касались отношеній гражданскихъ, а прямо стремились къ уничтоженію идолопоклонства (*). Углубляясь въ размышленія, онъ, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, проводилъ въ пещерѣ (Гаръ) и тамъ, какъ Пума, бесѣдовалъ съ своимъ гениемъ о замысливаемой реформѣ; но, не имѣя вѣса въ кругу родныхъ, по недостаточности состоянія, Мугаммедъ немогъ предпринять ничего рѣшительнаго, только послѣ выгоднаго супружества онъ началъ дѣйствовать настойчивѣе и первыми его прозелитами (асхàбъ) были невольникъ Зейдъ, жена Халиджэ и Али, сынъ Абу-Талеба, поклявшійся въ присутствіи Корайшитовъ защищать его, (**), а первыми гонителями родственники Абу-Лягебъ и Абу Суфьянъ, которые называли Мугаммеда безумнымъ поэтомъ и энтузіастомъ (***). Однако вдохновенныя рѣчи пророка, его увлекательная наружность, мужество и терпѣніе торжествовали

(*) »Son imagination éxaltée lui persuada qu'il était destiné à accomplir les espérances des Juifs et des Chrétiens«—замѣчаетъ Мюллеръ въ Hist. univers. trad. par Hess. Brux. 1838.

(*) По словамъ знаменитаго *Тебери*, первые прозелиты Мухаммеда были: Халиджэ жена его; за ней Али; за нимъ Абубекръ; за нимъ Зейдъ и, наконецъ, Биляль невольникъ Абубекра.

(***) شاعر مجنون. Мугаммедъ проклялъ Абу-Лягеба съ женою его въ 3 сурѣ корана: تَبَّتْ يَدَا أَبِي لَهَبٍ وَتَبَّ. Здѣсь онъ играетъ словомъ لَهَبٌ *лаамл*.

всюду, такъ что къ концу его жизни исламъ совершенно утвердился въ Меккѣ, Ясребѣ (Медвнатъ-эн-неби или просто Медина) (*) и другихъ мѣстахъ.

Обратимся къ элементамъ, изъ которыхъ сложился исламъ, какъ отдѣльная вѣра съ своими понятіями о Верховномъ Существомъ, о правахъ и значеніи человѣка, разсматриваемаго какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Элементы сіи могутъ быть раздѣлены на туземные и прививные: первые, удерживая значительную часть древнѣйшихъ обрядовъ и обычаевъ, должныствовали привлекать Арабовъ—язычникковъ; вторые назначались собственно для иновѣрцевъ—Евреевъ и Христіанъ, и сліяніе ихъ въ извѣстной мѣрѣ образовало отдѣльное ученіе *исламъ* (اسلام), такъ названное, по мнѣнію арабскихъ филологовъ, или отъ того, что оно выражаетъ *совершенною преданность* Богу (تسليم), или отъ своей *правоты* (سلم — سلام), въ сравненіи съ другими исповѣданіями; оно было, какъ говоритъ самъ законодатель, исповѣданіемъ Авраама и слѣдовавшихъ за нимъ патріарховъ, но искажено толками людей. Мугаммедъ опредѣлилъ сущность этого ученія такъ: *вѣтъ Бога, кромѣ Бога единого; Мугаммедъ посланникъ Божій; исполненіе узаконенныхъ мо-*

(*) Древнее имя нынѣшней Медины было *Йесребъ* или *Ясребъ*; когда Мюхаммедъ утвердилъ свою власть въ немъ, послѣ втораго бѣгства, Арабы называли его *Мединетюв-Неби*, т. е. городомъ или столицей пророка; съ тѣхъ поръ Ясребъ началъ носить имя *Медины*.

лигвь, раздаваніе милостыни, постъ въ мѣсяцѣ рамаданѣ и священное странствованіе въ Мекку составляютъ исламъ. Здѣсь само собою раскрывается у него мысль о Божествѣ единомъ (الله احد), вѣчномъ (الصمد), неизобразимомъ, духъ, чуждомъ всѣхъ условій матерін, какъ говоритъ извѣстная глава корана (эт-тавхидъ), которому подчинено все на небесахъ и на землѣ; но Суфій позднѣйшихъ временъ, утрируя эти понятія, нерѣдко переступаютъ предѣлы, поставленные кораномъ, и напряженное ихъ воображеніе придаетъ иногда Божеству предосудительные образы, что случилось и въ первыя времена появленія мугаммеданскихъ сектъ, возмущавшихъ цѣлые города. Мугаммедъ—по словамъ его, является только провозвѣстникомъ высшей воли; онъ только посланникъ (эрсасуль) и печать предшествовавшихъ пророковъ, на котораго возложена обязанность возстановить во всей силѣ ихъ ученіе. Но какъ слушатели требовали отъ него чудесъ и доказательствъ посольства, то онъ всенародно отвѣчалъ, что чудеса въ рукѣ Божіей (الله) и что всякому предоставляется на произволь слѣдовать или неслѣдовать предлагаемому ученію; однако, можно замѣтить, какъ въ началѣ онъ по бесилию казался хладнокровнымъ, такъ въ послѣдствіи эта вѣротерпимость не составляла его отличительной черты и тамъ, гдѣ не помогало убѣжденіе, онъ прибѣгалъ къ насилію, (какъ-бы доказывая тѣмъ еще разительнѣе торжество Церкви Христовой, освященной честною кровію доблестныхъ ея поборниковъ).

Такимъ образомъ собраніе раввинскихъ преданій, касательно нѣкоторыхъ мѣстъ Ветхаго Завета, извлеченія изъ апокрифическихъ христіанскихъ книгъ, древніе обычаи Арабовъ съ примѣсю гражданскихъ учрежденій—все это приведенное въ порядокъ уже по кончинѣ законодателя образовало Алкоранъ, что значить, основывался на значеніи глагола *караа*, *чтеніе* по преимуществу. Преданіе говоритъ, что эта книга (эль-китабъ) существовала на предвѣчныхъ таблицахъ (*فی لوح محفوظ*) и сообщена Мугаммеду архангеломъ Гавріиломъ въ одну изъ ночей мѣсяца рамадзана (ляйлетъ-уль-кадръ): нѣкоторые допускаютъ въ ней, кромѣ прямаго, вносказательный смыслъ (*آیات محکمات و متشابهات*). Не рѣдко Мугаммедъ оставляетъ тонъ законодателя и гремитъ угрозами противъ невѣрующихъ: тогда картины поэта быстро смѣняются одна другою и представляютъ наблюдателю то разверстое небо и солнце, свивающееся пеленою въ судный день, то горы, бѣгущія вдали, будто *сарабъ*, то мученія грѣшныхъ, нанитанныхъ плодами адскаго дерева *заккумъ*, напоенныхъ кипящею водою и вновь жаждущихъ жаждою

(*) Она заключаетъ въ себѣ, кромѣ частныхъ историческихъ повѣствованій о древней жизни Арабовъ и Евреевъ, два главные отдѣла: положительные законы (*محکمات*) для руководства вѣрующихъ и таинственныя изрѣченія (*متشابهات*), доступныя только пророкамъ и боговдохновеннымъ особамъ; первые служили основаніемъ ученія пророка; вторые преградою умствующимъ незабираться слишкомъ далеко въ область отвлеченнаго мира.

востомлепнаго верблюда. И Мугаммедъ клянется въ непре-
ложности словъ своихъ смоковницею и оливой, Меккой и
Синаемъ, небомъ и звѣздою утренней (тáрикъ), зарей и свя-
щенными ночами, землею и всею, что на ней разсыпано,
коплями, которые мчатся въ битву, (والعاديَاتُ ضَبَّحًا), выбивая
копытами искры, тростью и что ею написано (وما يسطرون) (*)
Въ сурѣ подѣ заглавіемъ ^{mbi}الرَّثِرُ покрый мантиею, гдѣ
описывается явленіе ангела, Духъ говоритъ Мугаммеду:

»Встань, завернувшійся въ мантию, прославь Господа,
очисти одежды твои, бѣги позора и не желай обогатиться,
но потерни ради твоего Владыки! Раздастся звукъ трубы и
наступитъ тяжелый день для невѣрныхъ: тогда оставь меня
на единѣ съ моимъ твореніемъ (Ибнъ-Могайрою, противни-
комъ пророка), которому я даровалъ довольство, дѣтей и все
сообразное его желаніямъ; онъ желаетъ еще болѣе; но иѣтъ;
онъ воспротивился моимъ словамъ; я накажу его жестоко!
Какъ онъ обдумалъ, проклятый, какъ хитро дѣйствовалъ.
Озираясь кругомъ, онъ нахмурилъ чело, отворотился и ска-
залъ съ презрѣніемъ: Коранъ есть заимствованное чародѣй-
ство; произведеніе челоуѣка. Мы свергнемъ его въ адскій
огонь; но знаешь-ли, что такое адскій огонь? Онъ сожигаетъ,

(*) Т. е. перомъ предвѣчнымъ, которымъ начертаны на
вѣчныхъ таблицахъ (لوح محفوظ) всѣ предопредѣленія
Божіи.

онъ палить кожу, и его стрегутъ девятнадцать ангеловъ
(عليه تسعة عشر)!

При строгомъ разборѣ этого произведенія нельзя не замѣтить какой-то разбросанности, нестройности въ мысляхъ и повторенія однихъ и тѣхъ же фразъ—отличительнаго характера импровизаціи, въ чемъ не ошибемся, если припомнимъ, что даръ импровизаціи врожденъ Арабамъ. Темами для большей части суръ (главъ корана) служили различныя обстоятельства; споры, выигранное сраженіе, дѣлежъ добычи, семейныя происшествія и пр.; но изъ каждаго частнаго случая Мугаммедъ выводилъ или правоученіе, становившееся закономъ для его послѣдователей, или примѣнялъ къ настоящему уже слышанные имъ рассказы, припоминалъ такіе же случаи, бывшіе въ старину, и отсюда, въ послѣдствіи, возникла темнота и въ некоторыхъ мѣстахъ корана; что было понятно для современниковъ, то потеряло силу, не будучи утверждено письменно и сохраняясь единственно въ памяти народа. Часто коранъ блистаетъ высокими мыслями ветхаго и новаго Заветовъ, часто въ немъ встрѣчаются правила нравственности и благочестія, подкрѣпляемые ссылками на Библию и, наконецъ, статьи судопроизводства. Голіусъ замѣчаетъ—и справедливо—что главною цѣлію корана было намѣреніе соединить одною религіею какъ разрозненныя племена Аравіи, такъ и чужеземцевъ;—но эта цѣль приведена въ исполненіе уже по кончинѣ законодателя.

Мусульманскіе улемы дѣлятъ исламъ на двѣ части; *Иманъ*, теоретическую сторону вѣры, и *оинъ*, обрядовую или

практическую, первая включаетъ въ себя слѣдующія положенія: вѣру въ Бога Духа, такъ какъ представляетъ это понятіе сура *эттавхидъ* (*), въ ангеловъ (мел'янке), въ писанія (псалмы, пятикнижіе), Евангеліе, (*انجيل تورة زبور*) и пророковъ, въ воскресеніе мертвыхъ (кыяметь) и день судный и, наконецъ, въ совершенное Божіе предопредѣленіе, не допускающая различія въ добрѣ и злѣ, хотя на послѣднемъ пунктѣ Шинты колеблются. Къ практическимъ обязанностямъ относятся: молитва (у Арабовъ салѣтъ, персидск. *немазъ*) съ предшествующимъ ей омовеніемъ (вудз'у—совершаемое водою, *тлммуль*—пескомъ), раздаваніе части имущества на богоугодныя дѣла, постъ и священное странствованіе въ Мекку.

Допуская безсмертіе души, будущую жизнь и безплотныхъ, Мугаммедане полагаютъ, что послѣ допроса, сдѣланнаго усопшему ангелами Некиромъ и Мюнкиромъ, душа переходитъ въ среднее состояніе между жизнью и смертію до окончательнаго рѣшенія въ судный день; но толки объ этомъ предметѣ различны. Послѣ общаго возстанія у (Арабовъ *кыаметъ*, персид. *растѣхизъ*) по звуку трубы, всѣ двинутся къ мосту *эссырайъ*, тонкому, какъ волосъ, и острому, какъ лезвіе сабли: добрые перейдутъ по немъ съ быстротою молніи. Это ничто иное, какъ образецъ Зороастрова моста, июль-чинаваръ.

(*) Вотъ слова этой суры, направленной противъ Христіанъ *Богъ единъ, вѣченъ, не рождается и не рождается и не имѣетъ себя равнаго. Мугаммедъ, не выскнувъ въ ученіе о Троицѣ, всюду перемѣшиваетъ Христіанъ съ идолопоклонниками и называетъ общимъ именемъ: мошрикъ.*

Предопредѣленіе (такдиръ, късметъ, кадза-ву-кадръ) не есть слѣпое *fatum* древнихъ (*): оно, по мнѣнію мусульманъ и законодателя ихъ, истекаетъ непосредственно отъ Бога, равно какъ и добро и зло совершенно зависятъ отъ высшей воли, начертаны отъ вѣчности на предиазначенныхъ къ тому скрижаляхъ и неизбежны, какъ законъ промысла. Этотъ догматъ, въ высшей степени внушая рѣшимость на всякаго роду самоотверженіе, безспорно служилъ большей опорой къ успѣхамъ новаго ученія: мусульманинъ погибалъ съ оружіемъ въ рукахъ въ твердой увѣренности на блаженство, ибо его рай, какъ говоритъ онъ въ пылу изступленія, находится подъ мечами (*الجَنَّةُ تَحْتِ ظِلَالِ السِّبْوَفِ*). Вотъ слова Мугаммедъ, которыми онъ въ третьей сурѣ корана упрекаетъ недовольныхъ, когда послѣдніе оплакивали падшихъ въ битвѣ родственниковъ. »Все зависитъ отъ Бога. Они скриваютъ предъ тобою, Мугаммедъ, свои помыслы, но обнаруживаютъ ихъ рѣчами. Если бы мы долженствовали извлечь хотя малѣйшую выгоду изъ всего похода, мы не были бы здѣсь разбиты! отвѣстуй имъ: хотя бы вы остались и дома, то тѣ, которымъ смерть предписана свыше, пришли бы умереть на это самое мѣсто. Отгоните отъ себя смерть, если говорите истину! Не считайте мертвыми убитыхъ на пути божіемъ (т. е. за дѣло вѣры): они живы, награждены Господомъ, радуются низпосланнымъ отъ него милостямъ; они не утрушатся и не опечалятся. Никто не умираетъ иначе, какъ только по

(*) *Fata regunt orbem.* Manil. l. 4. v. 12.

божію произволенію, предначертанному въ книгѣ судебъ (وما كان لنفس أن تموت إلا بأذن الله كتاباً مؤجلاً) «Стрѣла воли Господней, говоритъ мусульманинъ, проникла въ мой составъ и никто неизбежитъ предвсказаннаго. Кто борется съ рокомъ, бываетъ побѣжденъ и тонетъ въ его пучины! (*). Но какъ ученіе о безусловномъ предопредѣленіи противопологалось, такъ сказать, природѣ божества, то начали возражаться схоластическіе толки и возникла секта *Кадаридовъ*, которая отменяла предопредѣленіе, считая человѣка полнымъ творцемъ добра и зла, приписывая однакожъ первое Богу, второе самому человѣку.

Изъ практическихъ обязанностей *омовеніе* (عسل وضوء) предписано кораномъ, какъ необходимое дѣйствіе предъ началомъ молитвы. Многіе стараются найти корень сего постановленія въ еврейскихъ обрядахъ, дошедшихъ въ позднія времена до такой мелочности, что Евангеліе часто порицаетъ ихъ; но, кажется, это требованіе мѣстное, необходимое въ жаркомъ климатѣ. Впрочемъ, имамъ Газали видитъ въ омо-

(*) فمن غالب القضا غلب
ومن ناهب الزمان سلب
ومن قاوى تيار المقدور غرق
ومن استلذذ بالغفلة في مشارب اللهو شرق

веніи таинственный смысл—очищеніе сердца отъ дурныхъ желаній, которыя препятствуютъ единенію съ Богомъ. *Обрѣзаніе* (хѣтигъ) не предписано формально, какъ у Евреевъ, а соблюдается болѣе, какъ обрядъ, существовавшій еще до Мугаммеда и воспріявшій силу закона.

Молитва, обязанность столь священная, что мусульмане называютъ ее *столпомъ вѣры* (рокнеддинъ) и ключемъ къ раю (мифтахъ-уль-дженнетъ), назначена пять разъ въ день въ определенное время: утромъ до солнечнаго восхода, въ полдень вскорѣ послѣ наклоненія свѣтила къ западу, вечеромъ до заката солнца, въ сумерки послѣ заката и вечеромъ предъ первую стражей ночи. Мугаммедъ предписываетъ молиться всюду и во всякомъ положеніи (قیامًا و قعودًا و علی جنوبکم) (*) съ соблюденіемъ поясныхъ и земныхъ поклоновъ (سجود رکعة). Во время молитвы, вѣрующіе обращаются лицомъ къ Меккѣ (на основаніи словъ суры 2-й); женскій полъ изъять отъ публичнаго богослуженія.

Милостыня бываетъ двухъ родовъ: предписанная закономъ, какъ необходимость и добровольная (нафль), оставленная на произволь лица. Милостыня такъ важна въ глазахъ истиннаго мюсюльманина, что халифъ Омаръ сынъ Абд-эль-

---

(*) Т. е. если болѣзнь воспрепятствуетъ. Больной можетъ выражать поясные и земные поклоны движеніемъ главы, если и это ему невозможно, то движеніемъ глазъ своихъ.

Азиза обыкновенно говаривалъ: молитва ведетъ насъ до половины пути къ Богу, постъ доводитъ до вратъ его дворца, а милостыня доставляетъ входъ. Коранъ обѣщаетъ блаженство въ будущей жизни всѣмъ, которые твердо исполняютъ часы молитвы, защищаютъ вдовъ и сиротъ и раздаютъ щедрою рукой, безъ укоризны (*), милостыню. Подаліе можетъ состоять изъ скота, денегъ, хлѣба, плодовъ и товаровъ въ извѣстномъ количествѣ; сверхъ того, въ концѣ поста (въ разговорѣ *عيد الغطر*) всякій обязанъ давать за себя и за каждаго изъ членовъ своего семейства извѣстную мѣру съѣстнаго на общее употребленіе въ пользу бѣдныхъ. Самъ Мугаммедъ пользовался пятою частью военной добычи (с ура *انفال*)

Постъ назначенъ въ мѣсяцѣ рамаданѣ, въ память низпослания корана (сур. 2), отъ появленія новой луны до слѣдующей; онъ сопряженъ съ извѣстными условіями, которыя

(*) *فاما السائل فلا تنهر* »не возбраняй просящему, говоритъ Мугаммедъ. Извѣстная арабская пословица: *благодѣлительствуи, но не укоряй благодѣльникомъ—польза воротится къ тебѣ сама-собою* *تَمَنَّ فَإِنَّ الْفَائِدَةَ إِلَيْكَ عَائِدَةً جِدْوَلًا* даетъ прекрасное понятіе о словахъ корана: *доброе дѣло лучше нежели милостыня, за которую слѣдуетъ оскорбленіе* (*يتبعها أذى*).

подробно вычислены въ сурѣ *телица* (*), Отъ поста никто не изъять, но если будетъ одержимъ болѣзнію или въ путешествіи, то обязанъ поститься такое же число дней въ другое время, или содержать на своемъ иждивеніи бѣдныхъ (мескинъ).

Священное странствованіе въ Мекку (حَجَّ), необходимое для всякаго мусульманина, имѣеть, кромѣ того, политическую цѣль—тѣснѣе сблизить послѣдователей Мугаммеда въ назначенномъ сборномъ пунктѣ, гдѣ они, какъ братья *أخوانا*, торжествовали бы условные обряды и вспоминали предписанія законодателя. Выше упомянуто, что древніе обычаи Арабовъ вошли въ составъ корана и по этому не удивительно, что Мугаммедъ рѣшился удержать и путешествіе къ уважаемому всѣми меккскому храму. Всякій долженъ странствовать хотя разъ въ жизни (сур. 3.) если обстоятельства и достатокъ позволяютъ это исполнить. Известный аббасидскій халифъ Гарунъ эр-Рашидъ, образецъ набожности, по словамъ его біографа Фахреддина рейскаго,

(*) Пища и питье разрѣшается съ вечера до утра, но когда можно уже на зарѣ отличить бѣлую нитку отъ черной, постъ начинается снова. Кромѣ того коранъ, спускаясь къ чувственности, говоритъ: однако *أحل لكم ليلة الصيام*

الرفث الى نساءكم من لباسكم وانتم لباس لهن فلا رفث فلا فسوق ولا جدال في الحج

однако во время хаджиджа запрещено это.

ежегодно путешествовалъ въ Мекку пѣшкомъ, въ сопровожденіи ста юрисконсультовъ съ ихъ сыновьями, а если неуспѣвалъ, то отправлялъ, вмѣсто себя, триста человекъ съ обильнымъ пугевымъ запасомъ и пышными одеждами. Самая церемонія *хаджиджа* нѣсколько разъ была описываема европейскими путешественниками. Обыкновенно странствующие богомольцы облекаются въ священное платье (احرام), состоящее изъ двухъ кусковъ шерстяной матеріи: однимъ препоясываются, а другой набрасываютъ на плеча, потомъ начинается самый ходъ около Каабы между горами Сафа и Мерва и по горѣ Арафатъ (сур. 2), гдѣ путники приносятъ жертвы (курбанъ) и брѣютъ головы въ долинѣ Мина. Всѣ эти церемоніи имѣютъ знаменательную силу и суть остатки язычества.

Кромѣ изчисленныхъ предписаній, коранъ запрещаетъ употребленіе вина (*), азардныя игры (азлямъ, майсаръ, кыдахъ—жеребейныя стрѣлы и кости), мясо извѣстныхъ жи-

---

(*) Въ подлинникѣ *حُرِّمَ عَلَيْكُمُ الْخَمِيرُ* и посему трудно понять,

какое вино разумѣлъ законодатель. Вѣроятно, по неопредѣленности слова *хамръ*, основатель секты карматовъ разрѣшилъ своимъ послѣдователямъ употребленіе

التبید энебизъ, крѣпкаго напитка изъ финиковыхъ ягодъ.

Строгіе мусульманскіе аскеты подъ словомъ *хамръ* понимаютъ все то, что разстраиваетъ и затемняетъ разсудокъ человека, всѣ возбуждающія средства.

вотныхъ, мертвячину, кровь, мясо забоданнаго животнаго и пр. Все, надъ чѣмъ произнесена, во время закланія, формула: *Во имя Бога всемилосердаго, всемилостиваго* (*بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ*) равно считается нечистымъ. Различіе мясъ, равно какъ и въ ветхомъ заветѣ, основано на климатическихъ условіяхъ.

Перейдемъ теперь къ учрежденіямъ гражданскимъ, истекающимъ изъ корана и развѣтвленнымъ въ послѣдствіи различными школами юрисконсультовъ. Въ началѣ всѣ дѣла рѣшались Мугаммедомъ—верховнымъ судіею созданнаго имъ общества, а по кончинѣ законодателя его преемниками (халифа), но съ увеличеніемъ владѣній какъ за рубежами Аравіи, такъ и внутри ея, такое судопроизводство оказалось недостаточнымъ и затемнялось сбивчивостію толкованій. Благочестіе, скромный образъ жизни первыхъ халифовъ и тѣсное религіозное братство правовѣрныхъ были причиною, что ближайшіе наследники Мугаммеда неупотребляли во зло верховной власти, а напротивъ лично входили въ разбирательство дѣлъ и даже позволяли себѣ слышать отъ мюсюльмановъ довольно колкія замѣчанія. Омаръ, получивъ однажды изъ Іемена нѣсколько кусковъ матерій, раздѣлилъ ихъ между подданными и взялъ себѣ часть наравнѣ съ другими. Когда онъ взошелъ на *минбаръ* возбудить народъ къ оружію противъ Грековъ, то какой-то Арабъ прервалъ его, сказавъ: я отказываюсь повиноваться тебѣ.—Почему? спросилъ халифъ.—Ты хочешь отличиться предъ нами, взявъ при дѣ-

лежѣ матеріи большую противъ насъ часть: на твой высокій ростъ не достаетъ мелкихъ обрѣзковъ, какіе розданы намъ!» Омаръ оборотился къ сыну и сказалъ: Абдалла, отвѣчай за меня!—кусокъ матеріи, отвѣчалъ молодой человекъ, былъ недостаточенъ для повелителя правовѣрныхъ и я отдалъ ему свою долю». Теперь я охотно повинуюсь, отвѣчалъ недовольный слушатель.

Омайяды пользовались большимъ значеніемъ въ мусульманскомъ мірѣ, но не избѣжали смутъ. Первымъ къ тому поводомъ было огромное родство племени Корайшъ: фамилія Гашемъ противилась въ Мединѣ фамиліи Омаие и Гашемидъ, приходя въ Дамаскъ, совершенно неуважалъ лица халифовъ. Послѣдніе въ теченіи времени были дотога стѣснены, что пользовались только правомъ *чеканить монету* (сикке) и провозглашать свое имя въ заздравной молитвѣ (хутбе) и если кто-нибудь хотѣлъ означить человека, который пользуется именемъ владѣльца безъ существеннаго обладанія предметомъ, то обыкновенно говорилъ: *такой-то доволъствуется чеканомъ и заздравною молитвой*. Въ эти времена неуройствъ появились богословско-юридическія школы Абу-Халифе, Шафеи, Ахмеда-ибнъ-Хамбаля и Малека-ибнъ-эль Анеса; каждый изъ нихъ, не уклоняясь отъ корана и преданій, имѣлъ свою систему толкованія законовъ.

Къ гражданскимъ учрежденіямъ Мугаммеда относятся во первыхъ *полшамія*, именно четвертою сурою корана число женъ ограничено четырьмя; но если кто не хочетъ быть не-

справедливымъ, тотъ можетъ имѣть одну или избрать изъ плѣнницъ рабу-мусульманку (أَوْ مَا مَمْلُوكَاتِ إِيكُمْ). Разводъ сопряженъ съ нѣкоторыми обрядами, объясненіе которыхъ заняло много мѣста: здѣсь онъ допускается до трехъ разъ, послѣ чего уже мужъ неимѣетъ права сочетаться съ своею женою въ 4-й разъ. Формула *третичнаго развода* (سه فلاق) равносильна съ дѣйствительнымъ разводомъ въ третій разъ (*). *Законы о наследствѣ* опредѣлены съ точностію и тѣсно граничатъ съ законами Евреевъ. Ими особенно уничтожился обычай Арабовъ язычниковъ оставлять вдовъ и сиротъ безъ всякой помощи подъ тѣмъ предлогомъ, что только одни способные носить оружіе имѣютъ право пользоваться наследствомъ. Человѣколюбіе Мугаммеда часто обнаруживается въ совѣтахъ защищать слабого. »Благочестіе, говоритъ пророкъ, не состоитъ въ томъ, что вы обращаетесь на молитвѣ къ востоку или западу; оно состоитъ въ исповѣданіи Бога, въ вѣрѣ въ послѣдній день, въ ангеловъ, въ писанія, въ пророковъ, въ призрѣвія родныхъ, сиротъ, бѣдныхъ, странниковъ (въ подлинникѣ сына пути), нищихъ, въ искупленіи плѣнныхъ, въ твердомъ исполненіи часовъ молитвы, въ раздаваніи милостыни, въ соблюденіи заключенныхъ съ дру-

---

(*) На основаніи словъ: الطلاق مرتان فامساك بالمعروف الخ мусульмане часто клянутся разводомъ съ женами, отпущеніемъ на волю рабовъ и путешествіемъ въ Мекку; въ случаѣ клятвенно-преступленія приговоръ закона исполняется надъ ними; т. е. они разводятся съ женами, облзуются отпустить на волю рабовъ и путешествовать въ Мекку.

гимъ условій, въ непоколебимомъ терпѣніи и перенесеніи бѣдствій (*)а. Мужескій полъ пользуется двойными правами предъ женскимъ. Вообще можно замѣтить, что законы о наслѣдствѣ у мусульманъ довольно добросовѣтны; они обработаны съ примѣчательною отчетностію послѣдователями всѣхъ пяти школъ и составляютъ обширный отдѣлъ законовѣденія (ше-ріатъ).

Сдѣлки частныхъ лицъ между собою предписывается соблюдать строго также въ присутствіи свидѣтелей, а за недостаткомъ ихъ довольствоваться свидѣтельствомъ мужчины и двухъ женщинъ. Убіеніе, какъ и въ пятикишиіи, влечетъ за собою такое же возмездіе (jus talionis), съ тою впрочемъ разницею, что убійца иногда можетъ заплатить выкупъ *dіалъ* (دية) родственникамъ покойнаго или вмѣсто того искупить изъ рабства мусульманина (**). Ближайшіи

(*) Подлинныя слова этого замѣчательнаго мѣста:

ليس البر أن تولوا وجوهكم قبل المشرق والغرب ولكن البر من أمن
 بالله واليوم الآخر والملايكة والكتاب والنبیین وأتی المال على حبه ذوی
 القربی والیتامی والمساکین وأبن السبیل والسائلین وفي الرقاب وأقام
 الصلوة وأتی الزکاة والموفون بعهدهم إذا عاهدوا والصابرین فی الباس
 والضراء وحین البأس اولیک الذین صدقوا واولیک هم المتقون ﴿ۛ﴾

(**) Вѣрующіе, сказано въ 2-й сурѣ, вамъ предписывается *кисдсѣ* (вмѣсто до мугаммеданскаго *тсарѣ*) за убитыхъ:

родственникъ принимаетъ пению или отказывается: въ послѣднемъ случаѣ убійца выдается головою на его произволь, что противорѣчитъ закону Моисея, въ которомъ жизнь не окупается ничѣмъ, развѣ жизнью. Мугаммедъ назначилъ также особенныхъ мѣстъ, гдѣ могъ бы укрыться виновный, какъ назначилъ Моисей. Неумышленное убійство наказывается пенею и освобожденіемъ плѣннаго, если же преступникъ не въ состояніи исполнить это по бѣдности, то долженъ содержать постъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; пеня простирается до ста верблюдовъ, которые дѣлятся между родными погибшаго по правиламъ о наслѣдствахъ. По понятіямъ Арабовъ, кровь требовала крови, мститель былъ неумолимымъ врагомъ убійцы; цѣлыя родственныя колѣна нѣсколько лѣтъ съ ожесточеніемъ преслѣдовали другъ друга за одно падшее въ семействѣ лицо: такова въ ихъ исторіи сорокалѣтняя борьба, названная войною Дахесъ и Габра. Арабскіе медики искали причины мстительнаго характера особенно бедуиновъ въ употребленіи верблюжьего мяса; но, оставляя въ сторонѣ ихъ доводы (*), мстительность Арабовъ можно скорѣе при-

---

вольный за вольнаго, рабъ за раба, женщина за женщину. Если же ближій нѣсколько снисходителенъ къ преступленію, пусть виновникъ дастъ достойную мзду: это облегченіе отъ вашего Господа, это милость со стороны его; но кто послѣ сего преступитъ законъ, того ждутъ болѣзненные муки. Люди благомыслящіе. Это единственное мѣсто во всѣхъ коранѣ, гдѣ только упоминается о мщеніи со стороны ближнихъ убитаго.

(*) Привожу слова арабскаго писателя у Покока въ Spec. hist. Ar. питающіеся верблюжьимъ мясомъ склонны къ мщенію, которое свойственно и Арабамъ по этой причинѣ.

писать неустройству общества, требующему строгой и скорой казни, чтобы, по возможности, отворотить всякое покушение на личность тамъ, гдѣ законъ почти безсиленъ въ такой пустой странѣ, какова Аравія, при опасныхъ путешествіяхъ и при дерзости, свойственной номаду.

или Джидда

Священная война противъ невѣрныхъ (*кафъ*), о которой такъ часто упоминается въ коранѣ, съ древнихъ временъ ислама была поощряема мугаммеданскимъ духовенствомъ: убитые на пути Божіемъ, защитники вѣры не мертвы, по словамъ Мугаммеда, но живы и наслаждаются въ раю утѣхъ (فی جنات النعیم). Военнопленные были избиваемы безъ милосердія (для того, чтобъ избѣжать искушеній *حتى لا تكون فتنة*), но послѣ, когда исламъ укрѣпился и глубоко пустилъ корни, съ пленными обходились человѣколюбивѣе. Обыкновенно имъ предоставлялось на выборъ или принять мугаммеданство—и тогда они пользовались одинаковыми съ мусульманиномъ правами, или покориться съ платою дани, съ соблюденіемъ собственной вѣры, если только она не есть гну-

---

Ясно, что долговременное употребленіе извѣстнаго рода пищи приспособляетъ тѣлесный составъ къ качеству ея: такъ долговременное употребленіе яствъ разгорячающихъ содѣлываетъ темпераментъ человѣка жаркимъ, кушанье прохладительное охлаждаетъ и темпераментъ. Точно тоже можно замѣтить о пищѣ другаго рода: ослиное мясо приспособляетъ темпераментъ питающагося имъ къ качествамъ этого животнаго и пр. Пококъ подъ статью *Urbani et nomades*.

свое подлопоклонство, или рѣшить дѣло мечемъ—въ такомъ случаѣ, если побѣда останется на сторонѣ мусульманъ, то женщины и дѣти, захваченныя въ плѣнъ, дѣлаются полными рабами, а мужчины наказываются смертію, а иногда оставляются на произволъ полководца мугаммеданъ. Уставъ о военной добычѣ имѣетъ свои особенности. Мугаммедъ бралъ при дѣжежѣ пятую часть, а потомъ оставилъ все на свое усмотрѣніе: такъ въ битвѣ при Хонайнѣ онъ преимущественно отличилъ Меккенцевъ съ тѣмъ, чтобы привлечь на свою сторону корайшитскихъ вождей. Недвижимое имѣніе, добытое вооруженною рукой, подвергалось тому же дѣленію, но въ настоящее время въ мугаммеданскихъ государствахъ оно продается съ публичнаго торга и вырученная сумма употребляется на богоугодныя дѣла, а властитель можетъ пользоваться пятою частію земли или брать съ ней доходы.

Замѣчено уже, что Мугаммедъ не могъ отказать своимъ соотечественникамъ въ ихъ старыхъ обыкновеніяхъ, не навлекая на себя гоненій. Въ силу этого коранъ предписываетъ наблюдать четыре мѣсяца въ году, какъ святыню (*); въ теченіе ихъ отлагались всѣ непріязненные дѣй-

---

(*) Эти мѣсяцы суть: шевваль, зуль-канда, зуль-хиджэ и мухерремъ; иныя, вмѣсто шеввала, полагаютъ реджебъ; но это противно постановленію *иджмаа*; другіе думаютъ, что эти 4 мѣсяца начинаются съ 20 *зуль-хиджэ* по 10-е число *рабіуль-ихера*; однакожъ первое мнѣніе обще принято *иджмаомъ* (см. *Weidhavii* изданіе Н. О. Fleischer, часть III, стр. 376 и 377).

свѣя и каждый воинъ снималъ наконецчикъ съ копѣйнаго ратовища. Убийца жилъ безопасно всюду, не опасаясь кровомщенія со стороны сына или брата своей жертвы: ясное доказательство человеколюбія этой націи, которая, подвергаясь частымъ ссорамъ, по причинѣ независимаго положенія колѣнъ или за сохраненіе правъ, умѣла обуздать природную пылкость и наклонность къ боевой жизни посредствомъ общаго перемирія. Всѣ племена наблюдали это благодѣтельное учрежденіе, кромѣ Тай хатъамъ, и Харесъ-ибнъ-Каабъ, такъ что весьма мало примѣровъ его нарушенія. Но, когда противники новой религіи нападали на безоружныхъ въ это время мугаммеданъ, то законодатель изрекъ словами второй суры слѣдующее правило: »Сражайтесь, когда нападаютъ на васъ за дѣло Божіе, но не преступайте границъ: Богъ не любитъ несправедливости. Убивайте ихъ гдѣ только ни встрѣтите, изгоняйте ихъ отсюда, откуда они изгоняютъ васъ: нечестіе хуже убійства. Но не сражайтесь съ ними у священнаго меккскаго храма, развѣ они нападутъ тамъ на васъ: въ такомъ случаѣ убивайте ихъ—такова награда невѣрнымъ. Пусть священный мѣсяцъ отмстится священнымъ мѣсяцемъ» (*).

وَ قَاتِلُوا فِي سَبِيلِ اللَّهِ الَّذِينَ يُقَاتِلُونَكُمْ وَلَا تَعْتَدُوا إِنَّ اللَّهَ لَا يُحِبُّ الْمُعْتَدِينَ
 وَأَقْتُلُوهُمْ حَيْثُ تَقْتُلُوهُمْ وَأَخْرِجُوهُمْ مِنْ حَيْثُ أَخْرَجُوكُمْ وَالْفِتْنَةُ أَشَدُّ مِنَ
 الْقَتْلِ وَلَا تُقَاتِلُوهُمْ عِنْدَ الْمَسْجِدِ الْحَرَامِ حَتَّى يُقَاتِلُوكُمْ فِيهِ فَإِنْ قَاتَلُوكُمْ فَاقْتُلُوهُمْ
 كَمَا كُنْتُمْ تُقَاتِلُونَ الْكَافِرِينَ الشَّهْرُ الْحَرَامُ بِالشَّهْرِ الْحَرَامِ وَالْحُرُمَاتُ قِصَاصٌ فَمَنْ

Праздники мусульманъ не многочисленны и недѣльный день *пятница* (аруба, джужа) освященъ болѣе по тому, что Арабы собирались въ это время для торговыхъ сдѣлокъ и исполненія гражданскихъ обязанностей. Другіе праздники установлены позднѣе; главные изъ нихъ суть *идъ-эль-фитръ* (отсюда милостыня, раздаваемая въ этотъ день, получила названіе *фитре*) или разговѣнье послѣ поста въ мѣсяцѣ рамаданъ и *идъ-эль-курбанъ*, праздникъ жертвоприношенія. Оба праздника называются у Турковъ бейрамы большой и малой. Кромѣ того празднуется *мевлудъ*, рожденіе Мугаммеда, а Персіяне удержали древній *нейрузъ*, первый день новаго года (9-го марта), вопреки общему мугаммеданскому календарю.

Вотъ, по возможности, короткій очеркъ развитія мугаммеданства съ его догматами, сколько позволяла цѣль предлежащаго сочиненія. Прослѣдивъ исламъ отъ его колыбели до позднѣйшихъ временъ, нельзя не допустить, что мугаммедъ внесъ въ Аравію нѣсколько истинъ, замѣствованныхъ у Христіанъ и Евреевъ; нельзя несогласиться, что, уничтожая варварскіе обычаи Арабовъ, онъ принесъ пользу отечеству, но то была польза косвенная: Мугаммедъ не возсоздалъ своего народа, не окрылялъ его сознаніемъ силъ нравственныхъ и быстрые успѣхи его послѣдователей были мимолетны; они не врѣзывались въ сердца покоренныхъ силою убѣжденія, а силою меча. Пробудилъ ли онъ хотя одну дремавшую спо-

اعْتَدَى عَلَيْكُمْ فَاَعْتَدُوا عَلَيْهِ بِمِثْلِ مَا اعْتَدَى عَلَيْكُمْ الْخ

Сура 2-я также см. объ этомъ подробнѣе 9-ю суру.

собность духа, указалъ ли на что-нибудь новое клонившееся къ общему благу человѣка? Правда, онъ связалъ тѣсными узами религіи разрозненные кочующія племена, но не онъ ли такъ рѣзко очертилъ мусульманина, оттолкнувъ его отъ тѣснаго соприкосновенія съ другими народами? Неподвижность мугаммедаискаго міра кроется въ неопредѣленныхъ предписаніяхъ законодателя, весьма несложныхъ, и оказавшихся въ началѣ удовлетворительными для религіозно-воинственнаго братства, въ которомъ всѣ страсти сосредоточивались на угожденіи главѣ; но, по смерти Мугаммеда, когда заговорили личные интересы, скудость правилъ корана обнаружилась вполне: Могаджджериды и Ансары жители Мекки и Медины первые поборники ислама (*) хотѣли пользоваться одинаковыми правами и пытали неустойства, особливо за наслѣдство или преемничество вмамата. Заговоры и убійства ознаменовали первый вѣкъ ислама, жертвы погибали даже въ храмахъ во время богослуженія. Исторія халифата ясно доказываетъ непрочность постановленій корана и споры за наслѣдство, поддерживаемые родствомъ владѣтельныхъ фамилій, были не рѣдки: они не кончались и до настоящаго времени въ лицѣ шиитовъ и суннитовъ.

Если съ одной стороны Мугаммедъ укрѣпилъ человѣка противъ бѣдствій, вооружая его догматомъ предопредѣленія,

(*) Меккенцы участвовали въ геджрѣ (هجرة). Мугаммедане, жители Медины помогали ему въ его предпріятіяхъ и отсюда названы помощниками *أنصار*

за то съ другой совершенно ослабилъ самобытность характера, сообщилъ мусульманину какую-то безпечность въ дѣйствіяхъ: ибо ^{всѣ} не случающееся теперь съ человѣкомъ не зависѣло отъ его личныхъ побужденій, а отъ тяготѣющей надъ нимъ воли: положеніе почти равное хладнокровію стояка, который спасаетъ свою добродѣтель самоубійствомъ. Изящныя искусства, кромѣ архитектуры, не принесли желаемыхъ плодовъ, что также можно отнести къ формальному предписанію корана, а безпрестанное напряженіе фантазіи породило изуверовъ и секты одна другой нехлѣбнѣе начали возникать еще при жизни законодателя (*). Исламъ надолго задержалъ ходъ человѣческаго ума въ большей части Азіи, сообщивъ гордость и надменность своимъ послѣдователямъ, два качества, препятствующія единенію народовъ; онъ внесъ въ самую литературу ихъ особенный отпечатокъ религіозности, просвѣчивающій въ каждомъ произведеніи. Національный духъ Аравіи и Персіи совершенно исчезъ въ новѣйшихъ сочиненіяхъ мугаммедавъ и нѣсколько историческихъ преданій, соблюденныхъ древностію, еще болѣе исказились примѣненіемъ ихъ къ извѣстнымъ мѣстамъ корана, какъ къ первому источнику учености. Въ заключеніе скажу, что никто такъ вѣрно не выразилъ направленіе VII-го вѣка, какъ Мугаммедъ; его личные качества, по словамъ восточныхъ историковъ и поэтовъ (въ особенности шейха Бусири), заслуживаютъ удивленія; но его понятія, клонившіяся ко вреду

(*) Абульжеца именуетъ Мосейламу съ пророчицею, описывая ихъ свиданіе и невѣжественный разговоръ.

предшествовавшихъ богословскихъ мнѣній, послужили новымъ источникомъ для религіозныхъ споровъ въ Азіи и Африкѣ. »Народъ книги (Христіане и Евреи) и идолопоклонники раздробились въ мнѣніяхъ съ тѣхъ поръ, какъ появилась очевидность (коранъ) и пророкъ, читающій очищенный свитокъ. (*)

(*) لَمْ يَكُنِ الَّذِينَ كَفَرُوا مِنْ أَهْلِ الْكِتَابِ وَالْمُشْرِكِينَ مُتَنَبِّئِينَ حَتَّى تَأْتِيَهُمُ الْبَيِّنَةُ
 بَيِّنَةٌ مِنَ اللَّهِ يَتْلُو صُحُفًا مُطَهَّرَةً сура подъ заглавіемъ *Бейна*.